

Долго, долго не уходили из моей памяти три стихотворных строки уральского поэта Н. Кушума:

Шел торопливо поезд,
Шел через Каменный пояс,
Через Уральские горы...

Помнились не из-за стремительности их «торопкого» ритма, а совсем наоборот — из-за особенности этого ритма, из-за применения к машине, к технике не тех привычных эпитетов, прилагаемых к чему-то бездушному, механическому, — «быстрый», «скорый», — а вот этого живого, человеческого, звериного, — «торопливый», когда представляешь себе движение не на колесах, а на заячьих лапках, белых прыжках, человеческих ногах...

И еще потому не могла я выветрить из памяти эти строки

Шел торопливо поезд,
Шел через Каменный пояс...

потому, что мы-то сами, семья моя, поздней осенью 1941 года ехали на Урал совсем не «торопливо». От Москвы до Свердловска мы шли — именно шли — около двадцати дней. Шли через гудевшую, как пчелиный улей, возбужденную на высоком духовном подъеме родную страну, через переполненные составами станции, через зеленые от движущихся вагонов пути, через те потоки перенаправляемой на Восток важнейшей нашей оборонной промышленности, куда их, как магнитную стрелку, направлял организующий, трезвый Разум нашей партии.

И мы ехали с этим потоком, — я, как пропагандист, от «Правды». Моя дочь — художница, на девятом месяце беременности, и моя больная сестра...

Ехали втроем на двух боковых сиденьях, без хлебных карточек, с мешочком сахара на дорогу, двадцать дней, как уже сказано выше, не уставая глядеть в окна, общаться с народом на остановках, видеть, чувствовать, понимать, что такое — необъятная матушка Русь, всеми детьми своими вставшая на Оборону.

Оглядываясь на свою жизнь, считаю, что, несмотря на все невзгоды, это были одни из лучших, вдохновеннейших ее дней.

А впереди — неизвестное.

Урал, где никогда не были. Ни денег у нас, ни представления о будущем, но вот — Свердловск. Союз писателей Урала. Райком. Парторг и руководитель уральских писателей — спокойный, не «торопкий», не суетливый, но уже готовый принять, уже организовавший всю материальную часть нашего уральского бытия (размещение, питание) и — больше того — всю жизненную деятельность.

Дочь тотчас же легла рожать мою внучку-уралочку, сестра мудрейшим образом начала раздобывать нужнейшую литературу об Урале, а я вместе с Бажовым первый свой визит нанесла в райком и с тех пор редко-редко возвращалась в свой — весь Урал жил передо мной не через литературные связи, не через клуб, вечера писателей, поэтов, внутреннюю групповую писательскую жизнь, во главе которой стоял сказочник, собиратель пленительного уральского фольклора, большой писатель Павел Петрович Бажов, а через многоопытного, многолетнего, уважаемого в райкоме и обкоме, секретаря

ла о крестьянской группе писателей (то есть пишущих о деревне). И всегда меня как-то резко поражало это выделение особой формы труда у крестьянина — в отличие от формы труда рабочего. Поражало, впрочем, не всегда, — а до и после пребывания на Урале. Многому я там научилась и многое осмыслила через общение с Бажовым. Начать с того, что он, — пустивший в ход в своих сказах особый термин «умельцы», — никогда, беседуя со мной об очередной моей поездке на завод или на полевой стан, не выделял «классовую» подоснову объекта, куда я еду выступать. Он не говорил: к ра-

ским характером, был Бажов. Когда я собралась ехать в Златоуст, прославленный на весь мир своим булатом, он мне рассказал об этом булате, что плавка его — особая: гибкое железо сплавляется с твердой сталью в известном процентном соотношении. «И вот в чем сила процентного отношения, или, как врачи говорят, дозировки: сталь от разбавки гибким железом не слабеет, а приобретает гибкость, а железо от прибавки стали твердеет, но не теряет гибкость». И он прибавил от себя с очень доброй, но очень редкой у него, вдруг — очень откровенной улыбкой: «Нужное правило для коммуниста — покада решение обсуждается, он должен проявить максимальную гибкость и все обдумать. Ну а пришел к решению — быть твердым, как сталь. Ни туда, ни сюда. Не качаться, а действовать».

Я переложила рецепт, как выковать булат, в стихи:

Свойства их были известны всегда
Ковко железо, а сталь тверда,
Сплав их — получишь в едином металле
Ковкость железа и твердость стали...

Но секрет тут не открыт. Секрет спрятан. Он — в дозировке. И здесь мне светит в памяти редчайшая улыбка Бажова. В своем характере коммуниста, гибком — до принятия решения; в умении понимать своих товарищей по перу, понимать, что руководство — это, действительно, близость его руки; постоянное пребывание в их среде, ощущение совместности действия, а в этой совместности с ним постоянное ощущение общего роста и твоего собственного роста со всеми. Какой это был руководитель!

Я счастлива, что летом 1942 года это он принимал меня из кандидатов в члены партии, и в сказах своих он оставил для меня не только высокохудожественную прозу, но и в образе своих «умельцев» — грядущий образ главного действующего лица на сцене истории, образ труженика, где труд, как «живой фермент», по слову Маркса, приложенный человеком одновременно к органической природе и неорганической материи, — сольет воедино рабоче-крестьянское начало.

Каким-то предвиденьем этого встала однажды передо мной необычная картина на экране телевизора, когда — где-то на Украине — прямо на зрителя двинулась мощная горизонталь многих, тесно в ряд движущихся огромных комбайнов, спаянных единой бригадой комбайнеров, сосредоточенно державших штурвалы. Это был как бы образ рабочего-крестьянского трудового единства в будущем.

10.1.79 г.

Мариэтта ШАГИНЯ

УРАЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР

нашей писательской партии, организации, того же Павла Петровича Бажова.

И это было большим счастьем нашей уральской писательской группы, что мы имели руководителем не только собрата по перу, в своей профессии достигшего большой высоты и оригинальности, но — особого типа руководителя-коммуниста, теснейшим образом связанного с нами в нашей предстоящей работе и всегда ощущаемого нами рядом — рука с рукой. Перед ним просто естественно было отчитаться, у него можно было тотчас найти совет, поправку, поощрение. И такой же непрерывной и тесной была у нас связь (у меня и Анны Караваевой) с редакцией «Правды», постоянный представитель которой на Урале тов. Хандрос передавал нам задания редакции. Мы с Караваевой работали на оборону в глубоком тылу, и обе получили тогда по военному ордену — Красной Звезды — за свою работу от «Правды»!

Но я еще не подошла к главному, к тому, что хочу сказать о Павле Петровиче Бажове. Как о пленительном сказочнике, об авторе «Малахитовой шкатулки» о нем все знают. Книга о нем, как о большом художнике, написана Л. И. Скорино. И не повторять общеизвестное хочется мне здесь, а высказать кое-что познание мною об Урале — через личность Бажова, его партийную практику, его особенную душевную организованность...

У нас в литературных разговорах я часто слыша-

бочим на завод, не говорил: к колхозникам в деревню, — а говорил: к трудящимся туда-то или к тому-то (имя директора, председателя).

Бажов по воспитанию, складу, старым глубинным семейным традициям принадлежал к особому слою трудящихся, уральских трудящихся: зимой работавших на заводах, в промышленности, летом — на земле, на хлебе. Это был самый ранний (петровский! демидовский!) тип рабочего человека на Руси, начавшего знакомство с машиной с применением не ручной, а водяной энергии. Демидов рыл пруды, а на прудах ставил мельничные колеса, а мельничные колеса давали гидравлическую энергию. И люди у Демидова летом — крестьяне, вручную работавшие на земле, зимой становились рабочими у машин с искусственными двигателями. Все это давным-давно известно. Однако известно не в целом. Ускользает от наблюдателя это удивительное смешение двух взаимодействий уральского трудящегося — с живой природой земли, дающей органический продукт; и с мертвой материей завода, создающей продукт неорганический.

Об этом можно целый трактат написать. У меня в книге «Урал в обороне» запечатлены такие «комбинированные» рабоче-крестьянские типы в их деятельности, как Митя Цестов, например, и другие.

Но первый, кто заставил меня задуматься над ураль-